

Циклические закономерности трансформации экономической ортодоксии

Толкачев Сергей Александрович

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия, e-mail: tsa2000@mail.ru

Цитирование: Толкачев С.А. (2024). Циклические закономерности трансформации экономической ортодоксии. *Terra Economicus* 22(3), 6–20. DOI: 10.18522/2073-6606-2024-22-3-6-20

Статья раскрывает закономерности становления, трансформации и упадка ортодоксии экономической теории в зависимости от фаз технологических и регуляторных циклов, выявленных в предыдущих работах автора. На примере двух завершённых циклов мирохозяйственного господства – английского и американского – предложено положение, в соответствии с которым окончательное утверждение и расцвет ортодоксии приходится на фазу опережающего развития транспортных технологий и регуляторную фазу фритредерства, устанавливаемую страной – мирохозяйственным лидером. На информационно-коммуникационной стадии технологического развития и стадии глобализма мирохозяйственного развития ортодоксия прибегает к имплантации иных исследовательских программ, но при сохранении базисных концептуальных положений. Наконец, отживающая ортодоксия переживает терминальный кризис в период становления индустриального базиса экономики, сопровождаемого протекционистским мирохозяйственным режимом. Одновременно в стране – новом мирохозяйственном лидере возникает и получает распространение совокупность новых экономических идей, претендующих на роль новой ортодоксии в будущем. В статье показаны характеристики терминальной фазы кризиса неоклассической школы экономической теории на фоне завершения американского цикла мирохозяйственного господства. Раскрываются детали кризиса нелиберального течения в рамках неоклассики и попыток наиболее прогрессивной части академического сообщества преобразовать нелиберальную парадигму в новое состояние, не имеющее пока четкого обрамления, но напоминающее либеральный рузвельтианско-кейнсианский консенсус середины двадцатого столетия. Раскрываются причины реактуализации политико-экономических подходов в монетаристском варианте. Показаны попытки отдельных представителей западного теоретического сообщества предложить принципиально новые парадигмы экономической теории, такие как «квантовая экономика» и теория сложности.

Ключевые слова: ортодоксия; гетеродоксия; неоклассика; неолиберализм; политическая экономия; меркантилизм; мирохозяйственный уклад; технологический уклад; технологии широкого применения

Благодарность: Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета.

The cyclical nature of transformations in economic orthodoxy

Sergey A. Tolkachev

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia, e-mail: tsa2000@mail.ru

Citation: Tolkachev S.A. (2024). The cyclical nature of transformations in economic orthodoxy. *Terra Economicus* 22(3), 6–20 (in Russian). DOI: 10.18522/2073-6606-2024-22-3-6-20

The article identifies the cyclical trends describing the emergence, transformation and decline of orthodoxy in economic theory, depending on the phase of technological and regulatory cycles. This study continues the author's previous research. Using the historical example of two cycles of world economic dominance, namely, that of British and American ones, the author argues that economic orthodoxy entrenches and blossoms during the periods of advance in transport technologies and free trade regime established by the world economic leader. At the information and communication stage of technological development and corresponding globalist era of world economic development, orthodoxy incorporates the elements of other research frameworks, however, basic preconceptions persist. Through time, the outmoded orthodoxy experiences a terminal crisis. This period matches with the industrial economic development, accompanied by a protectionist world economic regime. At the same time, a set of new economic ideas claiming to be the new orthodoxy emerge and spread in the country representing the new world economic leader. The article describes the terminal stage of the crisis in neoclassical economics that coincides with the end of the cycle of America's global dominance. As well, the crisis of neoliberal agenda within the neoclassical framework is highlighted, along with the attempts of academic community to transform the neoliberal paradigm into a new program, similar to the liberal Rooseveltian – Keynesian consensus of the mid-twentieth century. The relevance of political economy approaches (in their monetarist version) is brought forward. Besides, this study shows the efforts of some scholars from the Western academic community to propose fundamentally new economic paradigms, such as "quantum economics" and complexity economics.

Keywords: orthodoxy; heterodoxy; neoclassicism; neoliberalism; political economy; mercantilism; world economic mode; technological mode; general purpose technology

Acknowledgement: The article was prepared based on the results of research supported by the state assignment of the Financial University.

JEL codes: B10; B13; B59

Введение

В контексте системного кризиса глобального мироустройства, смены глобального центра накопления капитала (Арриги, 2006) невозможно не затронуть вопрос об адекватности существующей ортодоксальной экономической теории накопившимся изменениям в технологической базе и институциональном каркасе общества. Вопрос о соответствии существующего западного неоклассического направления экономической мысли реалиям меняющейся экономики давно уже не нов (Полтерович, 1998). Разговоры о подобном несоответствии идут в мире около 50 лет, с кризисных, стагфляционных для стран Запада 1970-х годов. Бессчетное количество публикаций¹ вышло с тех пор, классифицированы этапы «общего кризиса» экономикс, причем уже вносятся дополнения в

¹ Перечисление только наиболее значимых заменит весь текст статьи, поэтому мы прибережем библиографический запал для иных целей.

третий этап этого кризиса (Худокормов, 2021). Собственно, любая заметная школа экономической мысли, претендующая на роль единственно верного экономического мировоззрения, проходит кризисные периоды (Худокормов, 2012), вызванные изменением экономической реальности.

Совершенно очевидно, что кризис неоклассической экономики как исторически, так и содержательно совпадает с кризисом американско-центричной модели глобальной экономики – если пользоваться терминологией Дж. Арриги, с деградацией американского центра накопления капитала, или американского мирохозяйственного уклада (МХУ), по выражению С.Ю. Глазьева (Глазьев, 2022).

В данной статье мы предлагаем гипотезу, отражающую циклическую последовательность фаз утверждения, расцвета, модернизации и кризиса господствующей ортодоксии в зависимости от фаз регуляторных и технологических изменений жизненного цикла мирохозяйственного уклада, вскрытых в предыдущей работе (Толкачев, Тепляков, 2022). В данном исследовании, а также в ряде других работ мы дополнили известную концепцию технологий широкого применения (ТШП) (Bresnahan and Trajtenberg, 1995) гипотезой закономерности циклического развития по схеме «производство средств производства – транспорт – информация», одновременно совместив эту технологическую цикличность с регуляторной (мирохозяйственной) цикличностью «протекционизм – фритредерство – глобализм», показав их органическую дополняемость.

Вопрос о связи технологических изменений и становлении господствующей школы экономической теории (ортодоксии) получил отражение в трудах отечественных экономистов. А.А. Мальцев проанализировал эволюцию трактовки экономико-исторического процесса в интерпретации представителей различных научных школ и установил технико-экономическую обусловленность девальвации линейно-поступательной интерпретации социально-экономической динамики, что позволило вплотную подойти к вопросу о связи технологических укладов и господствующей ортодоксии (Мальцев, 2013).

В другой работе А.А. Мальцев, опираясь на концепцию технико-экономических парадигм (Perez, 2009), доказал, что «переход из доиндустриального в индустриальное, а затем постиндустриальное состояние детерминируется появлением новых “технологий широкого применения”, внедрение которых оказывает революционизирующее воздействие на все стороны общественной жизнедеятельности» (Мальцев, 2011: 112). Рассматривая хронологические границы жизненного цикла технологического уклада, Мальцев также обосновал гипотезу, «согласно которой “смена веков” или, по крайней мере, корректировка вектора развития *mainstream*, происходит во время “инновационной паузы”, когда возникает запаздывание в замещении одной целостной системы сопряженных технологий на другую» (Там же). Данный вывод весьма интересен для нашего исследования, и он косвенно подтверждается в работах других авторов. В частности, В.С. Автономов показал раскол в среде макроэкономистов после Великой рецессии 2008–2009 гг. (Автономов, 2018).

Прежде чем перейти к обоснованию нашего основного тезиса о циклической обусловленности жизненного цикла ортодоксии, покажем, насколько серьезным является наблюдаемый сейчас кризис неоклассического направления экономической теории, возмущивший в свою финальную стадию.

Крах неолиберализма и «Вашингтонского консенсуса»

Очередным знаковым и, по всей видимости, финальным проявлением кризиса неоклассической экономики является вступление в фазу обскурации неолиберального направления экономической мысли и неолиберализма как общественного течения в целом. Множится количество представителей неоклассики, некогда уютно чувствовавших себя под могучей сенью неолиберальных концепций, публично отказывающих им в доверии. Знаковым, но далеко не первым событием стал громкий выстрел по неолиберализму популярнейшего нобелевского лауреата Джозефа Стиглица в 2019 г. в статье с говорящим названием «Неолиберализм надо признать мертвым и похоронить», где он однозначно заявил: «Неолиберальный эксперимент – более низкие налоги для богатых, дерегулирование рынков труда и продукции, финансиализация и глобализация – оказался впечатляющим провалом»².

Стиглиц далеко не одинок среди «нобилитета», спешащего публично осудить провалившиеся догмы неолиберализма. Нобелевский лауреат 2018 г. Пол Ромер, ученик одного из столпов неолиберализма

² Stiglitz, J. Neoliberalism must be pronounced dead and buried. Where next? *The Guardian*, 30 May 2019. <https://www.theguardian.com/business/2019/may/30/neoliberalism-must-be-pronounced-dead-and-buried-where-next> (accessed on July 24, 2024)

Дж. Лукаса в самом неолиберальном Чикагском университете, остро критикует самую глубокую историческую основу этого течения, теорию свободной торговли, заявляя, что опасные последствия дешевого импорта – потеря рабочих мест, рост издержек на адаптацию и социальные разногласия – с лихвой перевешивают его полезные результаты³. Нобелевский лауреат 2015 г. Ангус Дитон в эссе с характерным названием «Переосмысливая мою экономическую теорию» ставит под сомнение не только влияние глобализации на богатые западные страны, но и ее важность для сокращения бедности в бедных странах: «Я ... скептически отношусь к заявлению, которое я и другие делали в прошлом, о том, что глобализация ответственна за огромное сокращение глобальной бедности за последние 30 лет»⁴.

Суперпопулярный гарвардский профессор Дэни Родрик прославился не только тем, что еще в 1997 г. на пике расцвета неолиберальной глобализации поставил вопрос о том, не слишком ли далеко она зашла (Rodrik, 1997), но и тем, что в 2006 г., т.е. до кризиса 2008–2009 гг., критически проанализировал все основные пункты Вашингтонского консенсуса и поставил вопрос о его срочной замене (Rodrik, 2006).

Напомним, что термин «Вашингтонский консенсус» придумал в 1989 г. британский экономист Джон Уильямсон для описания ряда политических реформ для развивающихся экономик, а затем он посвятил остаток своей жизни и карьеры (скончался в 2021 г.) попыткам спасти свое нововведение от злоупотреблений как со стороны идеологов свободного рынка, так и со стороны активистов антиглобализма. Парадоксально, но сам профессор Уильямсон отличился как критик неолиберализма. В 1990-х и 2000-х гг. он пытался прояснить свою позицию, хотя в конце концов признал, что этот термин обрел собственную жизнь, но называл его «испорченным брендом»⁵.

Вашингтонский консенсус стал главным продуктом интеллектуального экспорта эпохи глобализации, быстро превратившись из свода правил стабилизации макроэкономики стран Латинской Америки в канонические «десять заповедей» развития. «В течение как минимум двух десятилетий после этого евангелисты “консенсуса” – Всемирный банк, Международный валютный фонд и США – не переставали выступать в качестве его сторонников, проповедуя эту квинтэссенцию неолиберальной ортодоксии с квазирелигиозным рвением. Окончание холодной войны означало, что евангелие можно было насаждать как в недавно деколонизированные страны (в качестве “политики развития”), так и в посткоммунистические “переходные экономики” (часто в форме “шоковой терапии”) в качестве единственно истинной веры»⁶.

Подтверждением неадекватности современным условиям и полнейшей безнадежности неолиберализма в области практической экономической политики последних лет является тотальный отказ двух грандиозно противоположных по своим убеждениям и ценностям администраций президентов Трампа и Байдена от услуг этой доктрины. Как республиканец Трамп, так и демократ Байден проводили политику протекционизма и поддержки национальной промышленности (Толкачев, 2022). Первоначальные надежды на неолиберализм Байдена быстро улетучились, когда он в ходе «байденномики» (Толкачев, 2023) проявил себя как наследник не «вашингтонского», а рузвельтианско-кейнсианского либерального консенсуса середины XX века (Galbraith, 1981), также принципиально противоположного устоям неолиберализма.

Наиболее прогрессивная либерально-демократическая (но не неолиберальная) часть западного интеллектуального сообщества пытается утвердить новый набор экономических принципов, способный заменить пресловутый «Вашингтонский консенсус». Для этого в мае 2024 г. по итогам Форума «Новая экономика»⁷ была опубликована так называемая Берлинская декларация⁸, претендующая на статус новой консенсусной парадигмы как в области экономической теории, так и экономической политики.

³ Curran, E. Nobel Laureate Paul Romer says free trade hurts the vulnerable. *Bloomberg News*, February 22, 2024. <https://www.bloomberg.com/news/articles/2024-02-22/nobel-laureate-paul-romer-says-free-trade-hurts-the-vulnerable> (accessed on July 24, 2024)

⁴ Deaton, A. Rethinking my economics. *IMF Finance and Development*, March 2024. <https://www.imf.org/en/Publications/fandd/issues/2024/03/Symposium-Rethinking-Economics-Angus-Deaton> (accessed on July 24, 2024)

⁵ <https://www.nytimes.com/2021/04/15/business/economy/john-williamson-dead.html> (accessed on July 24, 2024)

⁶ Haldar, A. Still haunted by the Washington Consensus. *Project Syndicate*, May 31, 2024. <https://www.project-syndicate.org/commentary/washington-consensus-still-haunting-global-development-and-climate-debates-by-antara-haldar-2024-05> (accessed on July 24, 2024)

⁷ Форум «Новая экономика» – это беспартийная платформа, основанная в Берлине в 2019 г. с целью разработки новой всеобъемлющей парадигмы и поиска новых решений основных проблем изменения климата, растущего неравенства и глобализации, а также переосмысления роли государства.

⁸ <https://newforum.org/en/the-berlin-summit-declaration-winning-back-the-people/> (accessed on July 24, 2024)

Основные изменения идеологии экономической политики, предлагаемые Берлинской декларацией:

- вместо экономической эффективности – качественные рабочие места;
- промышленная политика для внедрения инноваций в устойчивое развитие;
- новая «гуманная» глобализация для защиты уязвимых слоев населения и координации политики в области климата;
- разрешение проблемы неравенства доходов, налогообложение высоких доходов;
- обеспечить развивающимся странам финансовые и технологические ресурсы, необходимые им для осуществления мер по изменению климата;
- установить новый баланс между рынками и коллективными действиями, избегая саморазрушительной политики жесткой экономии;
- снизить рыночную власть на высококонцентрированных рынках.

Берлинский консенсус весьма далек от безупречно отшлифованных и методологически непротиворечивых принципов Вашингтонского консенсуса. Скорее это призыв к поиску и отсеиванию новых экономических идей среди широкого круга экономистов рузвельтианско-кейнсианского профиля, противостоящих как скомпрометированной неолиберальной рыночной ортодоксии, так и правым националистам-популистам трамповского толка.

Дэни Родрик, комментируя итоги Берлинского саммита, в совместной статье с Лаурой Тайсон (кстати, тоже бывший видный неолиберал, председатель Совета экономических консультантов в администрации Б. Клинтона) и Томасом Фрике, директором Форума «Новая экономика», отмечает, что еще «пять лет назад договориться обо всем этом было бы невозможно. Большое количество подписантов и разнообразие точек зрения, которые они представляют, отражают, насколько сильно изменилась дискуссия... цель Декларации – предложить изложение принципов, которые явно отличаются от прежней ортодоксии, и создать мандат на доработку политических концепций для практики»⁹.

Растущая популярность политико-экономической парадигмы

Итак, глубоко осознанный как в сугубо теоретическом дискурсе, так и в сфере экономической политики кризис неоклассической экономической теории актуализирует поиск альтернативных претендентов на роль новой ортодоксии, даже среди разнородной массы гетеродоксальных концепций (Баженов, Мальцев, 2018).

Среди огромного вала критики неоклассической ортодоксии со стороны гетеродоксальных течений политико-экономической направленности выделяется недавняя монография Клары Маттеи (Mattei, 2022). Удивление вызывает не только бескомпромиссность и неполицоректный характер критики неоклассики, но и заметная поддержка книги в широких общественных кругах, в том числе явной неолиберальной ориентации. Автор – в недавнем прошлом директор Центра гетеродоксальной экономики Университета Тулса в Оклахоме, а ныне ассоциированный профессор департамента экономики Новой школы социальных исследований¹⁰ в Нью-Йорке. Книга с эффектным политэкономическим названием «Порядок капитала. Как экономисты изобрели жесткую экономию и проложили путь к фашизму», в которой неоклассике фактически предъявляется обвинение в методологической индифферентности фашизму, была названа *Financial Times* одной из десяти лучших книг по экономике 2022 г., в настоящее время переведена более чем на 10 языков и получила присуждаемую Американской исторической ассоциацией премию Герберта Адамса Бакстера за 2023 г.

Клара Э. Маттеи в стиле марксистского политэконома исследует исторические и интеллектуальные истоки политики жесткой экономии, чтобы раскрыть ее первоначальные мотивы: защита капитала и, собственно, капитализма во времена социальных потрясений. Она прослеживает политику жесткой экономии до ее истоков в межвоенной Великобритании и Италии, показывая, как угроза власти капитала со стороны рабочего класса в годы после Первой мировой войны оживила экономическую политику по принципу «сверху вниз», который возвысил владельцев капитала, задушил

⁹ Rodrik, D., Tyson, L., Fricke, Th. From the Washington Consensus to the Berlin Declaration. *Project Syndicate*, June 27, 2024. <https://www.project-syndicate.org/commentary/washington-consensus-gives-way-to-berlin-declaration-by-dani-rodrik-et-al-2024-06> (accessed on July 24, 2024)

¹⁰ Новая школа социальных исследований, основанная в 1919 г., впитала прогрессивные традиции Франкфуртской школы и всю свою историю придерживается альтернативного неоклассической ортодоксии широкого междисциплинарного подхода как в экономике, так и в других социальных науках.

рабочих и навязал жесткую экономическую иерархию всему обществу. Клара Маттеи обрушивается с критикой на неоклассику, сформировавшуюся как «чистая экономическая теория» и отвергшую «политическую экономию» с ее классовым холистическим подходом, что наделило экономикс статусом «жесткой» науки, а ее представителей как единственных хранителей непогрешимых моделей: «В ходе этого стратегического ребрендинга экономическое знание позиционировалось как “объективное” и “нейтральное”, отдельное от классовой динамики, а эксперты-экономисты наделялись аурой всезнания, которая позволяла им противостоять мобилизации рабочих»¹¹.

Клара Маттеи обвиняет неоклассику в том, что она полностью отвергла понятие общественного класса, сведя социальную динамику к сложным взаимодействиям между атомизированными индивидами, движущимися в гармонии. Если классическая политэкономия признавала труд источником прибыли и трактовала эксплуатацию как структурную ловушку, присущую капитализму, то «чистые» экономисты рассматривали трудовые отношения как серию равноправных обменов между индивидами. Иными словами, профессор Маттеи критикует так называемую «равновесную парадигму» (Толкачев, Комолов, 2019), доведенную неоклассикой до вершин абстрактной логики и абсурда.

Призыв к политико-экономическому подходу, берущему начало во времена меркантилизма, прослеживается в работах многих авторов: «Новый консенсус в отношении торговли опирается на гораздо более древнее понимание экономики, иногда называемое “политической экономией”... Свободная торговля действительно приносит общие выгоды, но она также влечет за собой чрезвычайно концентрированные издержки в виде закрытых заводов, потерянных средств к существованию и разрушенных сообществ. Политико-экономический подход к свободной торговле признает, что эти две силы не симметричны»¹².

Отметим, что в вышеприведенной цитате за мыслью о «несимметричности двух сил» фактически скрывается идея отказа от «равновесной» экономической парадигмы, которой придерживались как английские классики, так и вся последующая ортодоксальная неоклассика. Базовая и всеобъемлющая идея данной парадигмы об обменных процессах как игре с нулевой суммой, эквивалентном обмене ценностями каждого участника сделки долгое время «асфальтировала» экономическое мышление и служила теоретическим обоснованием глобализации как некоего универсального и равноправного игрового поля со справедливыми правилами игры для всех.

Подтверждением реактуализации политико-экономических принципов меркантилизма, не очарованных интеллектуальной красотой абстрактных принципов и моделей равновесной парадигмы, является растущая популярность немецкого экономиста Эрика Райнерта, потратившего годы на возрождение того, что он назвал «другим каноном» экономической истории и мысли. Этот «другой канон», берущий начало в раннем европейском меркантилизме, всегда утверждал, что не свобода торговли, а производство добавленной стоимости и протекционизм являлись ключом к процветанию наций.

В своей монографии, представляющей сборник ранее опубликованных статей, Райнерт (Reinert, 2019) на огромном трехсотлетнем историческом материале (от Тридцатилетней войны до холодной войны), поставив в центр исследования традиции германской исторической школы, создает интегрированный образ того направления, которое мы предложили назвать «конкурентной парадигмой»¹³ в политической экономии.

Основы этой парадигмы берут свое начало от эпохи Возрождения, когда итальянские города-государства достигли большого богатства и успеха благодаря практическому осознанию невиданной эффективности сплава производства и протекционизма. Антонио Серра написал в 1613 г. свой «Краткий трактат о богатстве и бедности народов», в котором он утверждал, что активное поощрение экспорта промышленных товаров, а не обменный курс, было причиной богатства и решением проблемы экономического спада, впервые дав теоретическое осмысление того всемогущего принципа, который мы сейчас называем эффектом масштаба (Балацкий, Екимова, 2024; Балацкий, Юревич, 2020).

Затем именно Америка с ее защищенной океаном географией и ресурсами, заимствованием переходных идей изгнанных европейских мыслителей сумела построить крупнейшую национальную

¹¹ Mattei, C., Singh, A. Saving economics from the economists. *Project Syndicate*, March 11, 2024. https://www.project-syndicate.org/magazine/depoliticization-of-economics-is-inherently-political-by-clara-mattei-and-aditya-singh-3-2024-03?utm_%E2%80%A6 (accessed on July 24, 2024)

¹² Karma, R. Reaganomics is on its last legs. <https://www.theatlantic.com/ideas/archive/2024/05/tariffs-free-trade-dead/678417/> (accessed on July 24, 2024)

¹³ Толкачев С.А. Глобализация и политическая экономия: в поисках новой конкурентной парадигмы. *Капитал страны*, 2 февраля 2011. https://kapital-rus.ru/articles/article/globalizaciya_i_politicheskaya_ekonomiya_v_poiskah_novoj_konkurentnoj_parad/ (дата обращения: 24.07.2024)

производственную модель с помощью государственного протекционизма. Усилиями Александра Гамильтона (1757–1804), Генри Клея (1777–1852) и более радикального мыслителя Чарльза Кэри (1793–1879), главного экономического советника Авраама Линкольна, Америка прекрасно использовала тарифы для защиты молодых высокодоходных местных отраслей промышленности и национальный инвестиционный банк для внутренних улучшений в дополнительной инфраструктуре¹⁴.

Ну а немецкая традиция экономического мышления, начиная с XVII в., достигшая расцвета под названием «историческая школа» в XIX – начале XX в., разработала целую дисциплину по изучению экономического развития. Райнерт определяет ее как один из подходов, отвергающих неизменные естественные законы, абстрактные аксиомы и индивидуальный эгоизм в экономике, вместо этого подчеркивая роль институтов, права, политики и стадий развития.

На уровне компонента доктринальных идей экономической политики, близких вышеупомянутому другому канону, уже предприняты плодотворные попытки составить полноценную альтернативу Вашингтонскому консенсусу. Дэни Родрик в 2022 г. сформулировал парадигму продуктивизма¹⁵ как новую доктринальную концепцию, способную объединить разные политические силы, как в свое время это сделали и рузвельтианско-кейнсианский либеральный «консенсус» (Galbraith, 1981), и неолиберальный Вашингтонский консенсус. Родрик даже сформулировал трехмерный символизм новой парадигмы – производство, работа, локализация. – который должен заменить символизм отжившей свой век неолиберальной парадигмы – финансы, потребительство, глобализация¹⁶. Каждый элемент новой троицы представляет собой ценностный антипод элементу старой троицы.

Новизна продуктивизма состоит и в том, что он не совпадает и с рузвельтианско-кейнсианским консенсусом. Последний, существовавший в период расцвета американской промышленной мощи, олицетворял идеи государства всеобщего благосостояния, проекты «Великого общества», а также преувеличивал роль кейнсианских рецептов макроэкономического регулирования. Продуктивизм же, появившийся в период осознания деиндустриализации и упадка американской промышленной мощи, ратует за меры по созданию хороших рабочих мест для всех, более смело призывает к протекционизму и национальному эгоизму, не заботясь, как два предыдущих консенсуса, о целостности глобальных рынков.

В то же время Д. Родрик прекрасно понимает разрушительный потенциал безоглядного национального протекционизма и торговых войн, поэтому пытается сформулировать действительно консенсусный вариант международных экономических отношений в формирующейся постглобальной модели. В статье «Переосмысливая глобальный экономический порядок» (Rodrik, 2024), описывая недостатки модели гиперглобализации, он выдвигает две ключевые предпосылки для построения более совершенного глобального экономического порядка: (1) приоритетность внутренних социальных, экономических и экологических задач для построения более инклюзивных обществ; (2) отказ от глобального первенства крупных держав. Главное нормативное ядро статьи – предложение о метарежиме для глобального экономического порядка, который предполагает относительно небольшое согласие между странами по поводу желательной экономической политики и сосредоточен на минимизации наихудших случаев негативных трансграничных побочных эффектов при одновременном укреплении доверия (и расширении сотрудничества) с течением времени.

В другой совместной статье идея метарежима применена к такой острой проблемной области американской экономической политики, как конкуренция с Китаем. В статье показано, что метарежим не требует от государств заранее брать на себя обязательства по достижению какого-либо конкретного результата по существу и опирается не на добрую волю государств, а на их собственные интересы (Rodrik and Walt, 2024).

Считаем, что все отмеченные концептуальные нововведения Д. Родрика являются запоздалой попыткой образумить перезрелую и неадекватную реальностям неолиберальную элиту США и других стран Запада в тщетной надежде перестроить глобальную систему на парирование вызовов современности. Идея «нового и хорошего» глобального мирового порядка на старой

¹⁴ Nagle, A. The Washington consensus is dead. *New Statesman*, March 8, 2023. <https://www.newstatesman.com/the-weekend-essay/2023/03/washington-consensus-dead> (accessed on July 24, 2024)

¹⁵ Rodrik, D. The new productivism paradigm? *Project Syndicate*, Jul 5, 2022. <https://www.project-syndicate.org/commentary/new-productivism-economic-policy-paradigm-by-dani-rodrik-2022-07> (accessed on July 24, 2024)

¹⁶ <https://www.project-syndicate.org/commentary/new-productivism-economic-policy-paradigm-by-dani-rodrik-2022-07> (accessed on July 24, 2024)

основе несостоятельна, так как не учитывает мирохозяйственные детерминанты смены экономических моделей. Кроме того, как показано Е.В. Балацким (2024), в богатейших обществах, лидерах мирохозяйственных процессов, действует встроенный механизм перенакопления элит, оказывающий заметное деструктивное влияние на экономический рост после сильного падения эффективности работы самих элит. Нам остается добавить, что переход разросшимися элитами «порогового значения неэффективности», когда они «перестают справляться с управленческими функциями и перерождаются в класс социальных паразитов, получающих неправомерно большие блага и при этом не выполняющих никаких конструктивных обязанностей» (Там же: 53), происходит именно на информационной стадии технологического развития и глобализационной стадии мирохозяйственного развития. Финансализация, присущая этой стадии (Stiglitz, 2004), порождает огромный поток легких спекулятивных доходов, зачаровывающих своей легкодоступностью как финансово ориентированную элиту, так и сопряженных с ней коррумпированных государственных чиновников.

Радикальные подходы к реформированию неоклассической ортодоксии

Реагируя на мирохозяйственный кризис, западное интеллектуальное сообщество порождает порой весьма неожиданные предложения по радикальной перестройке неоклассической школы.

Например, предлагается радикальное изменение онтологии экономической теории – «*квантовая экономика*». Основоположителем такого подхода является математик Асгар Кадир. В работе 1978 г. «Квантовая экономика» он аргументировал точку зрения, согласно которой квантовая механика лучше, чем классическая, подходит для моделирования неясностей экономического поведения, поскольку она была разработана для ситуаций, когда переменная не имеет единственного «истинного» состояния (Qadir, 1978). Исследования в области квантового познания (Aerts and Aerts, 1994) и квантовой социологии (Haven and Khrennikov, 2013) показали, как принятие решений на индивидуальном или глобальном уровне следует своего рода квантовой логике, схожей по духу с той, что применяется в субатомной сфере. В нейрокогнитивистике накапливаются идеи о том, что человеческий мозг работает по типу квантового компьютера, использует квантовые когнитивные процессы (Wendt, 2015: 30).

Плодотворно развивает тему квантовой экономики Дэвид Оррелл (Orrell, 2018), который напоминает, что причина краха неоклассических экономических моделей в предсказании кризиса 2008 г. заключается в том, что они базируются на онтологических принципах, созданных в XIX в. классической физикой, в то время как в начале XX в. произошла революция квантовой физики. Если экономику рассматривать как квантовую социальную систему, то нужно адаптировать такие принципы квантовой физики, как дуализм, неопределенность, запутанность и так далее. Так же как идеи физиков о квантовой материи были сформированы путем изучения обмена частицами на субатомном уровне, так и экономика должна начинаться с анализа свойств денежных транзакций, которые, как и квантовые сущности, имеют фундаментально дуалистическую природу.

Неоклассическая экономика основана на фундаментально редуционистском подходе агрегирования большого количества индивидов. В квантовой экономике такие понятия, как репрезентативные агенты или кривые совокупного спроса, не имеют большого смысла. Цены не измеряют какое-то уникальное и стабильное качество, такое как полезность, вместо этого они возникают в результате финансовых операций. Квантовая экономика, в отличие от неоклассической механистической системы, игнорирующей этическую проблематику, напротив, рассматривает экономику как запутанную живую систему, в которой отдельные люди и институты несут более широкую ответственность друг перед другом и перед обществом. В неоклассической экономике так называемые «провалы рынка», включая деградацию окружающей среды, рассматриваются как отклонение или внешние эффекты. Квантовая экономика рассматривает все это как неотъемлемые свойства экономической системы, вызванные использованием долговых денег.

Авторы, стремящиеся внедрить в экономическую методологию принципы *теории сложности*, также считают, что экономические явления не могут быть выведены из детерминированной, предсказуемой и механистической динамики. Вместо этого требуется новый подход, при котором учитываются исторические, органические и постоянно развивающиеся процессы. «Теория сложности» возникла более 20 лет назад как область междисциплинарных исследований на основе взаимодействия физики, математики, биологии, экономики, инженерии и информатики, ориентированная на преодоление

упрощений и идеализаций, которые привели к появлению нереалистичных моделей в этих науках. Цель теории сложности – объяснить на междисциплинарной основе, как сложное и адаптивное поведение может возникать в системах, состоящих из большого количества относительно простых компонентов без центрального управления и со сложными взаимодействиями (Faggini and Parziale, 2016).

В области экономики теория сложности бросает вызов фундаментальным ортодоксальным предположениям (равновесие, представительные агенты, рациональный выбор) и стремится выйти за их пределы, подчеркивая силу сетей, механизмов обратной связи и неоднородности индивидов. Теория сложности отменяет основные допущения неоклассики – статическое равновесие и совершенная рациональность, игнорирование инноваций, рыночные сделки с нулевой суммой (парадигма эквивалентного обмена) – в пользу экономики, «состоящей из миллионов пересекающихся видов деятельности, в которой люди, предприятия и другие организации тесно связаны и постоянно взаимодействуют, где предпочтения и рынки меняются непредсказуемым образом» (Кау, 2012: 2).

Конечно же, целая лавина идей и подходов по реформированию экономики предлагается в связи с растущим осознанием глобальных экологических проблем и необходимостью вписать экономическую теорию в парадигму выживания человеческого вида. Они собраны, в частности, в недавно вышедшей под эгидой Всемирной ассоциации экономикс (*WEA*) коллективной монографии «Экономикс и биофизические лимиты экономического роста» (Fullbrook and Morgan, 2024). Монография представляет собой сборник ответов ведущих экономистов мира в виде небольшого эссе на вопрос: как мы можем построить экономику, согласующуюся с биофизическими ограничениями экономического роста? Авторы исходят из того, что разворачивающийся климатический кризис, который находится сейчас в ускоряющейся фазе, был вызван развитием глобальной экономики и в конечном итоге угрожает ее дальнейшему существованию. Многие авторы эссе затрагивают глубокие пласты, казалось бы, уже давно потерявших свою актуальность проблем политэкономического характера.

Например, Джеймс Гэлбрэйт предлагает пересмотреть основополагающие концепты производства и ценности с точки зрения энтропийных принципов. В частности, он призывает переоценить значение теории производства с точки зрения биофизических принципов, отмечая, что неоклассическая экономикс чрезвычайно занижает роль производства по сравнению с обменом. Биофизический подход к производству уделяет центральное место естественному вопросу: благодаря каким базовым натуральным ресурсам (энергетическим и материальным) возможно развитие всей экономики, насколько эти ресурсы долговечны, заменяемы? Таким образом, можно встроить теорию производства и всю экономическую теорию в биофизические принципы жизненных процессов на планете Земля (Galbraith, 2024).

Итак, выше отмечены лишь некоторые революционные подходы к ниспровержению неоклассической парадигмы, подтверждающие теоретическую исчерпанность ее основных постулатов, не отвечающих на злободневные проблемы экономической реальности. Лишний раз подтверждается идея о воздействии «инновационной паузы» на смену экономической ортодоксии. Академик В.М. Полтерович установил связь между инновационной паузой и мировым экономическим кризисом (Полтерович, 2009), и его предположение блестяще подтвердилось. Добавим сюда собственное логическое дополнение, что глубина и продолжительность инновационной паузы определяется характером появляющихся ТШП и мирохозяйственными геополитическими аспектами. Нынешняя инновационная пауза знаменует период обновления базисных средств производства (Четвертая промышленная революция по К. Швабу, Индустрия 4.0), что представляет крайне капиталоемкий и затяжной процесс с точки зрения массового инвестирования. Гигантский и кардинальный объем преобразований в производственном базисе в ходе новой промышленной революции мы предложили называть «новой индустриальной парадигмой» (Толкачев, 2018). Соответственно парадигмальному характеру технологических изменений, усиленных завершающимся циклом мирохозяйственных режимов «протекционизм – фритредерство – глобализм», кардинально меняется и экономическая парадигма.

Циклические (технологические и мирохозяйственные) закономерности трансформации ортодоксии

Нижеследующая таблица систематизирует взаимосвязи между фазами технологического, мирохозяйственного развития и фазами эволюции господствующей ортодоксальной школы.

Таблица

**Цикличность развития технологических и мирохозяйственных факторов
и их воздействие на экономическую ортодоксию**

ТУ	Период	Лидирующий сектор экономики	Мирохозяйственный режим	МХУ	Ортодоксия	Конкурирующая гетеродоксия
I	1780–1830	Производство средств производства	Протекционизм	Английский	Закат меркантилизма, появление АКПЭ	Германский камерализм
II	1830–1880	Транспорт	Фритредерство		Расцвет АКПЭ	Германская историческая школа, маржинализм
III	1890–1910	Информация и коммуникации	Глобализм		Кризис АКПЭ, маржинализм, Великая депрессия 1907	Традиционный институционализм, марксизм
	1910–1940	Производство средств производства	Протекционизм	Американский	Кризис маршаллианства, Великая депрессия 1929, начальный вариант неоклассики	Традиционный институционализм, марксизм
IV	1940–1980	Транспорт	Фритредерство		Расцвет неоклассического синтеза	Марксизм
V	1980–2010	Информация и коммуникации	Глобализм		Кризис неоклассики, интеграция неоконсерватизма и неоинституционализма, Великая рецессия 2008	Накопление гетеродоксии
VI	2010–2040?	Производство средств производства	Протекционизм	Азиатский?	Поиск альтернатив: неомеркантилизм, эволюционная экономика	
VII	2040–...?	Транспорт	Фритредерство		Утверждение новой ортодоксии	

Примечание: ТУ – технологический уклад; МХУ – мирохозяйственный уклад.

Источник: составлено автором.

Неоклассическая экономическая теория является мейнстримом или господствующей ортодоксией в течение почти 80 лет. Принимаем за условную точку отсчета выход первого издания учебника П. Самуэльсона в 1948 г. Первые 25 лет (условно до 1973 г.) мейнстрим существовал как неоклассический синтез маршаллианской микроэкономики и кейнсианской макроэкономики. Этот период совпал с расцветом так называемой транспортной фазы технологического развития и фритредерской фазы мирохозяйственного развития американского МХУ. Но знаменитая «критика Лукаса» в статье 1972 г. (Lucas, 1972) про рациональные ожидания и нейтральность денег ознаменовала окончание господства кейнсианства.

Кризис кейнсианской макроэкономики в начале 1970-х гг. совпадает с исчерпанием продуктивных возможностей транспортной и фритредерской фаз и постепенным переходом к информационной и глобализационной фазе американского мирохозяйственного господства. Инъекция неолиберальных идей в методологический каркас экономикс в виде теорий рациональных ожиданий, монетаризма и экономики предложения оказалась недостаточной, ибо глобализация расширила предметное поле науки и потребовался онтологический сдвиг науки, включение в ее состав нового объекта. Неоинституционализм обеспечил такой сдвиг, дополнив онтологию неоклассики теорией социальных взаимодействий, истолкованной в рамках прежнего методологического каркаса индивидуализма и позитивизма.

Исследовательская программа неoinституционализма оказалась чрезвычайно адекватной произошедшим с начала 1980-х гг. изменениям технологического и мирохозяйственного режима. Интенсификация международных взаимодействий в эпоху глобализации в виде потоков капитала, технологий, рабочей силы создавала и расширяла предмет исследования неoinституционализма. Все основные компоненты неoinституционализма – транзакционные издержки, права собственности, контрактные агентские отношения – получили в этот период огромное поле для роста за счет массового увеличения социальных контактов и взаимодействий. Информационная революция и либерализация экономических связей 1970–1980-х гг. привели к актуализации проблемы трактовки социальных институтов с позиций методологического индивидуализма, поскольку именно такая трактовка выгодна странам Запада как бенефициарам глобализации. Неoinституциональный туман, дополнивший оригинальный неолиберальный Вашингтонский консенсус, выступал в качестве интеллектуального прикрытия сохранения господства американского МХУ на заключительной глобализационной стадии его жизненного цикла.

С 2008 г. (снова цифра 8) кризис «расширенной» за счет неoinституционализма неоклассики становится сверхочевидным. Сегодня не только гетеродоксия разных мастей все активнее выдвигает свои предложения, но и внутри неоклассики растет идейный раскол и выдвигаются предложения как минимум сбросить путы неолиберализма и вернуться к кейнсианской трактовке либеральной экономической теории. В связи с достаточно вероятной регионализацией глобального мира актуализируются ценности старинного меркантилистского политико-экономического подхода в экономической теории, который мы относим к упоминавшейся выше «конкурентной» парадигме в отличие от «равновесной» неоклассической парадигмы.

«Конкурентная парадигма» как совокупность разнородных гетеродоксальных течений экономической мысли (наиболее объединяющим направлением является, пожалуй, набирающий популярность неомеркантилизм (Иванченко, 2021)) онтологически рассматривает международные обмены как игру с «ненулевой суммой», а гносеологически допускает гораздо большее влияние на экономические ценности культурных факторов. Конкурентная гетеродоксальная парадигма обретает циклическую популярность на производственной стадии технологического развития и соответствующей протекционистской стадии мирохозяйственного развития. В этот период актуальна общественная потребность в развитии национальной производственной базы на территории страны в ходе освоения технологий новой промышленной революции.

Рассмотрим цикличность эволюции ортодоксии в рамках английского МХУ. На этапе «производственно-протекционистского» развития 1780–1840-х гг. в Англии, с одной стороны, сохраняется жесткий протекционистский режим, а с другой стороны, выходят главные труды А. Смита и Д. Рикардо, обосновывающие свободу торговли. То есть теоретическое обоснование классической экономической доктрины предшествует ее окончательной институционализации, которая происходит в 1848 г. в виде учебника «Принципы политической экономии» Дж. Ст. Милля, который, по словам самого автора, не содержит ничего нового и представляет собой обновленный вариант «Богатства народов» Смита с учетом возросшего уровня экономических знаний и самых передовых идей современности.

Затем, как хорошо известно, 1870-е гг. знаменуют собой кризис английской классической политэкономии и после маргиналистской революции в 1890 г. появляется учебник А. Маршалла – первооснова будущей неоклассической школы. В 1908 г. (снова цифра 8) Маршалл, выходя на пенсию с поста заведующего кафедрой Кембриджского университета, своим авторитетом продавил решение полностью избавить библиотеки английских университетов от учебника Милля, заменив его своим.

Отметим, что на данном историческом отрезке 1870–1910 гг., соответствующем информационно-глобализационной стадии английского МХУ, так же как и в 1970–2000-е гг. в американском МХУ, происходит модернизация существующей ортодоксии, но более существенная, поскольку маргиналистская революция, в отличие от неoinституционализма, видоизменила классику и онтологически (сфера обмена и потребления вместо сферы производства), и гносеологически (методологический индивидуализм вместо холизма классики). Тем не менее маршаллианский отрезок можно считать переходным, поскольку основная суть его нововведения – соединение классики и маржинализма.

Период с 1914 по 1944 г. является по нашей классификации производственно-протекционистским, сопровождающимся кризисом начального варианта неоклассики, активизацией альтернативных течений, прежде всего, оригинального кейнсианства, традиционного институционализма в США и, конечно, многочисленных социалистических теорий (включая левое английское кейнсианство П. Сраффы и Дж. Робинсон), всегда составлявших с точки зрения ортодоксии маргинальную гетеродоксию. Не стоит доказывать очевидную закономерность кризисности этого этапа господствующей ортодоксии, поскольку весь мир находился в ситуации геополитической турбулентности, перевернувшей еще недавно стройную потребительски-обменную онтологию маржинализма. Массированное обновление производственной базы на базе достижений Второй промышленной революции в лидирующих странах мира возродило ценность идей протекционизма, добавило к ним востребованность идей народнохозяйственного планирования и задвинуло прежний уютный мир обмена изолированных домохозяйств маржинализма в область отживших пасторальных ретроутопий.

Завершившийся с окончанием Второй мировой войны производственно-протекционистский период и переход к транспортно-фритредерскому периоду американские адепты неоклассики встретили инкорпорацией кейнсианской макроэкономической онтологии в сложившийся каркас неоклассической парадигмы, символом чего стал знаменитый учебник 1948 г. П. Самуэльсона, с которого мы начали наш анализ.

Фундаментальный характер достижений П. Самуэльсона и его современников, создавших неоклассический синтез, подтверждается авторитетным мнением гарвардского профессора Н.Г. Мэнкью, который совмещал свою блистательную академическую карьеру с работой в Совете экономических консультантов (СЭК) при президенте Дж. Буше-младшем в 2003–2005 гг., т.е. практически познал как позитивную, так и нормативную (инженерную) часть экономической профессии. В своей нашумевшей статье об этих двух частях экономической теории (Mankiw, 2006) он показывает, что все последующие «наслоения» на неоклассическую парадигму не имели успеха ни в теории, ни в практическом «инженерном» применении. Будучи главой СЭК, Мэнкью с коллегами пользовался макроэконометрической моделью, разработанной по канонам мейнстрима: «Модель использовалась Советом в течение двух десятилетий как при республиканском, так и при демократическом правительствах. Исторически это одна из моделей, восходящих напрямую к ранним моделям Клейна, Модильяни и Экштейна. Влияние новых классических и новых кейнсианских исследований на разработку этих моделей было минимальным» (Ibid.: 42). Анализируя собственно позитивные достижения неоклассики, Мэнкью вновь преклоняется перед классикой, а не ее «модернизаторами»: «Когда вводный учебник Самуэльсона был впервые издан в 1948 г. и студентам были представлены идеи кейнсианской революции, преподаватели по всему миру с готовностью подхватили новую методику. Однако идеи новых классиков и новых кейнсианцев не особенно изменили методы преподавания макроэкономики в наши дни» (Ibid.: 44).

Знаковая для своего времени (написанная почти 20 лет назад, до Великой рецессии 2008–2009 гг.) статья Н.Г. Мэнкью отражала точку зрения добросовестного представителя неоклассического мейнстрима в эпоху расцвета неолиберализма и глобализации. Мэнкью даже не задумывался о том, что позитивное содержание его любимой науки (о «научности» которой он как умный человек говорит в начале статьи с показным сарказмом) или сама предметная область в виде безальтернативных «рынков» уже через несколько лет будет поставлена под сомнение, а в 2020-х гг. подвергнута невиданному остракизму и поиску онтологической альтернативы. Позитивное содержание мейнстримной экономики оказалось предельно девальвировано кризисными потрясениями наступившей постглобализационной эпохи. Наступление нового МХУ означало принципиально новые задачи как для нормативной, так и для позитивной части экономической теории. В этом контексте многолетние споры новых кейнсианцев и новых классиков относительно, например, жесткости цен выглядят как дебаты о несуществующих практических проблемах и связях в теории.

Заключение

На основе разработанной концепции циклической последовательности смены технологий широкого применения (ТШП) и мирохозяйственного уклада (МХУ) мы попытались доказать, что жизненный цикл экономической ортодоксии соответствует закономерностям данных этапов. На примерах завершённых к настоящему времени английского и американского МХУ установлены следующие соответствия.

Будущая господствующая ортодоксия, мейнстрим, возникает в своем первоначальном варианте на производственно-протекционистской стадии мирохозяйственного развития в острой борьбе с другими (гетеродоксальными) течениями экономической мысли. На этапе формирования нового МХУ страна-лидер формирует индустриальный базис на основе технологий новой промышленной революции и устанавливает протекционистский мирохозяйственный режим. Сопутствующие кризисные мирохозяйственные процессы способствуют вытеснению устаревшей ортодоксии и выдвигают совокупности новых экономических идей, претендующих на новую экономическую парадигму.

Когда мирохозяйственный лидер переходит к транспортному этапу технологического развития и устанавливает фритредерский режим на мировых рынках, новая экономическая ортодоксия приобретает доминирующий характер. Это обусловлено тем, что именно транспортно-фритредерская стадия воплощает наиболее плодотворный период освоения результатов промышленных революций, когда за счет установления глобального режима свободной торговли достигается максимальный производственный эффект масштаба, сопровождающийся заметным ростом благосостояния широких масс населения. Данный результат господствующая ортодоксия выдает за чудодейственный эффект «рыночного механизма», освобожденного от оков государственного регулирования и «устаревших» идей протекционизма.

При переходе к завершающему этапу МХУ на информационно-глобалистской стадии на фоне обострения кризисных экономических процессов в результате исчерпания ресурсов транспортно-фритредерской стадии ортодоксия ощущает свою онтологическую недостаточность и пытается расширить объект исследований инкорпорированием концептов других молодых направлений экономической теории деривативного характера. Однако становление нового МХУ неизбежно приводит к постепенной трансформации экономической ортодоксии, поскольку на этой стадии, благодаря финансовализации экономики и умножению практики неэквивалентного обмена, конкурирующие с ортодоксией гетеродоксальные направления становятся более актуальными и востребованными.

Объем онтологических изменений при смене ортодоксии определяется разницей цивилизационных матриц лидеров старого и нового МХУ. Переход от английского к американскому МХУ не отличался значительными изменениями ортодоксии именно потому, что культурно-цивилизационные установки этих двух центров силы исторически преемственны. Можно предположить, что, если грядущий МХУ не будет носить глобальный характер и в мире сформируются несколько альтернативных центров силы, мы будем свидетелями длительного сосуществования многих гетеродоксальных экономических школ, способных выполнять роль ортодоксии в соответствующей геоэкономической зоне.

Нынешний постепенный переход информационного этапа промышленной революции на производственный сопровождается радикальными изменениями в технологической базе и социально-классовой структуре общества. Это заставляет переосмыслить уже, казалось бы, полностью разрешенные ортодоксией коренные вопросы производства и распределения общественного продукта. Кризисные мирохозяйственные процессы на производственно-протекционистской стадии, сопровождающиеся сменой субъекта мирового лидерства и началом формирования нового мирохозяйственного уклада (системного цикла накопления капитала), создают основу постепенного перехода к новой ортодоксии. По мере накопления новых научных концепций и систематизации их талантливым ученым своей эпохи, как это сделали Дж. Ст. Милль в 1848 г. для английского и П. Самуэльсон в 1948 г. – для американского МХУ, следует ожидать в ближайшем будущем (хорошо бы для красоты символизма в 2048 году!) на этапе очередной эпохи фритредерства появление новой экономической «Библии» нового МХУ.

Литература / References

- Автономов В.С. (2018). Экономическая теория до и после Великой рецессии. *Вопросы теоретической экономики* (2), 58–64. [Avtonomov, V. (2018). Economic theory before and after the Great Recession. *Issues in Theoretical Economics* (2), 58–64 (in Russian)].
- Арриги Дж. (2006). *Долгий двадцатый век. Деньги, власть и истоки нашего времени*. М.: Территория будущего, 472 с. [Arrighi, J. (2006). *The Long Twentieth Century. Money, Power and the Origins of Our Time*. Moscow: Territoriya budushchego, 472 p. (in Russian)].
- Баженов Г., Мальцев А. (2018). Современные гетеродоксальные направления экономической теории в контексте трансформации мейнстрима. *Общество и экономика* (1), 5–21. [Vazhenov,

- G., Maltsev, A. (2018). Modern heterodox directions of the economic theory in the context of the mainstream transformation. *Society and Economy* (1), 5–21 (in Russian)].
- Балацкий Е.В., Юревич М.А. (2020). Технологический эффект масштаба и экономический рост. *Terra Economicus* **18**(1), 43–57. [Balatsky, E., Yurevich, M. (2020). Technological economies of scale and economic growth. *Terra Economicus* **18**(1), 43–57 (in Russian)]. DOI: 10.18522/2073-6606-2020-18-1-43-57
- Балацкий Е.В., Екимова Н.А. (2024). Идентификация эффекта масштаба в регионально-отраслевых производственных комплексах России: теоретические основы и эконометрические оценки. *Journal of Applied Economic Research* **23**(2), 394–421. [Balatsky, E., Ekimova, N. (2024). Identification of economies of scale in regional-industry production complexes: Theoretical foundations and econometric estimations. *Journal of Applied Economic Research* **23**(2), 394–421 (in Russian)].
- Балацкий Е.В. (2024). Экономика элит и политическая нестабильность. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз* **17**(2), 43–63. [Balatsky, E. (2024). The economy of elites and political instability. *Economic and Social Changes: facts, trends, forecast* **17**(2), 43–63 (in Russian)].
- Глазьев С.Ю. (2022). Глобальная трансформация через призму смены технологических и мирохозяйственных укладов. *AlterEconomics* **19**(1), 93–115. [Glazyev, S. (2022). Global transformation through the prism of changing technological and world economic patterns. *AlterEconomics* **19**(1), 93–115 (in Russian)].
- Иванченко И.С. (2021). Новый неомеркантилизм как вызов для глобализированной экономики. *Вопросы экономики* (9), 132–148. [Ivanchenko, I. (2021). New neomercantilism as a challenge for a globalized economy. *Voprosy Ekonomiki* (9), 132–148 (in Russian)].
- Мальцев А.А. (2011). Кризис неоклассической ортодоксии или смена технологических укладов. *Журнал экономической теории* (4), 111–122. [Maltsev, A. (2011). The crisis of neoclassical orthodoxy or the change of technological patterns. *Journal of Economic Theory* (4), 111–122 (in Russian)].
- Мальцев А.А. (2013). Технично-институциональные аспекты эволюции трактовки экономико-исторического процесса. *Управленец* (4), 8–15. [Maltsev, A. (2013). Technical and institutional aspects of the evolution of the interpretation of the economic-historical process. *Upravlenets* (4), 8–15 (in Russian)].
- Полтерович В. (2009). Гипотеза об инновационной паузе и стратегия модернизации. *Вопросы экономики* (6), 4–23. [Polterovich, V. (2009). Hypothesis about innovation pause and modernisation strategy. *Voprosy Ekonomiki* (6), 4–23 (in Russian)].
- Полтерович В.М. (1998). Кризис экономической теории. *Экономическая наука современной России* (1), 46–66. [Polterovich, V. (1998). The crisis of economic theory. *Economic Science of Modern Russia* (1), 46–66 (in Russian)].
- Толкачев С.А. (2018). Сетевая промышленная политика в эпоху новой индустриальной революции. *Журнал Новой экономической ассоциации* (3), 155–161. [Tolkachev, S. (2018). Network industrial policy in the era of the new industrial revolution. *Journal of the New Economic Association* (3), 155–161 (in Russian)].
- Толкачев С.А. (2022). Промышленная политика и рещоринг: байденомика сменяет трампономику. *США и Канада: экономика, политика, культура* (1), 21–38. [Tolkachev, S. (2022). Industrial policy and reshoring: bidenomics replaces tramponomics. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture* (1), 21–38 (in Russian)].
- Толкачев С.А. (2023). Противоречия политической экономики «байденомики». *Вопросы политической экономики* (4), 55–75. [Tolkachev, S. (2023). Contradictions of the political economy of 'bidenomics'. *Problems of Political Economy* (4), 55–75 (in Russian)].
- Толкачев С.А., Комолов О.О. (2019). Марксизм и учение об эквивалентном обмене в контексте современного мирового экономического кризиса. *Вопросы политической экономики* (2), 23–36. [Tolkachev, S., Komolov, O. (2019). Marxism and the doctrine of equivalent exchange in the context of the modern world economic crisis. *Problems of Political Economy* (2), 23–36 (in Russian)].
- Толкачев С.А., Тепляков А.Ю. (2022). Технологические и регуляторные циклы в мирохозяйственном развитии: историко-экономическая ретроспектива. *Terra Economicus* **20**(3), 72–86. [Tolkachev,

- S., Teplyakov, A. (2022). Technological and regulatory cycles in world economic development: Historical and economic retrospective. *Terra Economicus* **20**(3), 72–86 (in Russian)].
- Худокормов А.Г. (2021). Новые данные о «третьем кризисе» экономикс. *Вопросы политической экономики* (1), 103–125. [Khudokormov, A. (2021). New data on the 'third crisis' of economics. *Problems of Political Economy* (1), 103–125 (in Russian)].
- Худокормов А.Г. (2012). *Развитие экономической мысли через ее периодические кризисы (к вопросу об общем принципе эволюции мировой экономической теории в XX веке)*. М.: Институт экономики РАН, 38 с. [Khudokormov, A. (2012). *Development of economic thought through its periodic crises (To the issue of the general principle of evolution of world economic theory in the XX century)*. Moscow: Institute of Economics RAS, 38 p. (in Russian)].
- Aerts, D., Aerts, S. (1994). Applications of quantum statistics in psychological studies of decision processes. *Foundations of Science* (1), 85–97.
- Bresnahan, T., Trajtenberg, M. (1995). General purpose technologies: “Engines of growth”? *Journal of Econometrics* **65**(1), 83–108.
- Faggini, B., Parziale, M. (2016). Complexity modelling in economics: The state of art. *Economic Thought* **5**(2), 29–43.
- Fullbrook, E., Morgan, J. (eds.) (2024). *Economics and the Biophysical Limits to Economic Growth*. WEA Books, 357 p.
- Galbraith, J. (1981). The conservative onslaught. *The New York Review of Books* **27**(21–22), 30–36.
- Galbraith, J. (2024). *An Economic Theory Compatible with Life Processes and Physical Laws*. In: *Economics and the Biophysical Limits to Economic Growth*. WEA Books, 357 p.
- Haven, E., Khrennikov, A. (2013). *Quantum Social Science*. Cambridge: Cambridge University Press, 24 p.
- Kay, J. (2012). Foreword. In: Dolphin, T., Nash, D. (eds.) *Complex New World: Translating New Economic Thinking into Public Policy*. London: IPPR, pp. 1–2.
- Lucas, R. (1972). Expectations and the neutrality of money. *Journal of Economic Theory* **4**(2), 103–124.
- Mankiw, N. (2006). The macroeconomist as scientist and engineer. *Journal of Economic Perspectives* **20**(4), 29–46.
- Mattei, C. (2022). *The Capital Order. How Economists Invented Austerity and Paved the Way to Fascism*. University of Chicago Press, 480 p.
- Orrell, D. (2018). Quantum economics. *Economic Thought* **7**(2), 63–81.
- Perez, C. (2009). *Technological revolutions and technoeconomic paradigms*. Working Papers in Technology Governance and Economic Dynamics № 20, pp. 1–15. Tallinn: The Other Canon Foundation, Norway and Tallinn University of Technology.
- Qadir, A. (1978). Quantum economics. *Pakistan Economic and Social Review* **16**(3/4), 117–126.
- Reinert, E. (2019). *The Visionary Realism of German Economics: From the Thirty Years' War to the Cold War*. Anthem Press, 606 p.
- Rodrik, D., Walt, S. (2024). How to construct a new global order. *Oxford Review of Economic Policy* **40**(2), 256–268.
- Rodrik, D. (2006). Goodbye Washington Consensus, Hello Washington Confusion? A review of the World Bank's economic growth in the 1990s: Learning from a decade of reform. *Journal of Economic Literature* **44**(4), 973–987.
- Rodrik, D. (1997). *Has Globalization Gone Too Far?* Peterson Institute for International Economics, 128 p.
- Rodrik, D. (2024). Reimagining the global economic order. *Review of Keynesian Economics* **12**(3), 396–407.
- Stiglitz, J. (2004). *The Roaring Nineties: A New History of the World's Most Prosperous Decade*. W.W. Norton & Company, 448 p.
- Wendt, A. (2015). *Quantum Mind and Social Science: Unifying Physical and Social Ontology*. Cambridge: Cambridge University Press, 366 p.